

М. С. КАМЕНСКИХ
(Пермь)

«В ЛАПТЯХ И ПОД ЗОНТОМ»:
БЫТ КИТАЙЦЕВ НА СРЕДНЕМ
УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса иммиграции китайцев в Пермскую губернию в период Первой мировой войны. На основании архивных материалов, большая часть из которых впервые введена в научный оборот, автор описывает социальную структуру и способы адаптации китайцев в местном сообществе. Особое внимание уделено отношению местного населения к китайцам.

Ключевые слова: Пермская губерния, китайская иммиграция, способ адаптации, отношение местного населения к иммиграции.

Одной из наиболее интересных и малоизученных сторон в истории китайцев в России является их повседневный быт и формы социальной адаптации в принимающем сообществе. Китайцы как носители совершенно отличной от России цивилизации всегда были заметны в социокультурном пространстве, демонстрируя непохожие и часто непонятные модели повседневного поведения, чем всегда вызывали интерес и внимание со стороны местного населения, что в свою очередь находило отражение в источниках. «Необычность» китайцев для наших соотечественников отмечается практически всеми специалистами по истории китайцев в России и ее отдельных регионах [Ларин 2009; Петров 2003; Лукин 2007; Дацышен 2008]. Наиболее ярко выраженная дихотомия «свой — чужой» между российским обществом и приезжими китайцами характерна для начала XX в., когда Россия и Китай начали открывать друг друга уже не как государства, а как народы. Фактически в массовом порядке российское провинциальное

общество столкнулось с китайцами в годы Первой мировой войны, когда на различных оборонных объектах страны трудилось до 100 тысяч китайцев. Их появление в таких масштабах было вызвано войной и обнаружившимся в связи с ней дефицитом рабочих рук. Одним из мест размещения китайских рабочих стала Пермская губерния, где требовалась рабочая сила для лесозаготовок и добычи угля.

В источниках сохранилась масса упоминаний о тех или иных формах адаптации китайцев. Характерно, что подобного рода информация выявлена не только в личных источниках, но и в делопроизводственной документации. Наибольшую ценность в этом отношении представляют материалы комиссии по обследованию быта китайцев, работавшей на Кизеловских угольных копях в ноябре 1916 г. Отдельные фрагменты содержатся также в переписке губернатора с уездными исправниками и горными инженерами. Данные источники позволяют реконструировать процессы социальной адаптации китайцев России периода начала Первой мировой войны. К исследованию привлечены материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Пермского края (ГАПК) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО).

Идея призвать китайцев возникла на Урале через год после начала Первой мировой войны. По подсчетам историка А. П. Танеева, в 1915 г. из 135,6 тысяч рабочих Урала по собственному желанию и по призыву на воинскую службу убыло 81,8 тысяч человек [Танеев 1927, 26—27]. В первые месяцы войны недостаток частично покрывался за счет труда женщин, детей и военнопленных. Однако когда стало очевидно, что этого недостаточно, заводчики стали искать возможности привлечения рабочей силы из-за рубежа, и в первую очередь — из соседнего Китая. Местное провинциальное общество уже было знакомо с китайцами. В годы Русско-японской войны Пермская губ. была одним из мест водворения арестованных на Дальнем Востоке китайцев, японцев и корейцев. В тот период

¹ Исследование подготовлено в рамках реализации гранта РГНФ № 12-11-59002 «Этническая миграция в Прикамье в советский и постсоветский периоды».

местные газеты неоднократно писали о том, как проявляли себя китайцы. Особый интерес вызывали цирковые труппы: «Некоторые из проживающих у нас в Перми китайцев зарабатывают деньги показыванием фокусов, — писали в газете. — Взрослого китайца обыкновенно сопровождает китаец-мальчуган, который проделывает на особой скамейке различные гимнастические упражнения. После этого номера, называемого на цирковом языке «человеком-змеей», из особого сосуда извлекают китайцем настоящие змеи, вывезенные им с родины. С ними он проделывает различные номера своего репертуара. Змеи не пользуются у зрителей успехом, так как обыватель труслив и не привык видеть подобное существо в комнатной обстановке» [ПГВ. 1905. 16 марта].

Процесс найма китайцев инициировал в апреле 1915 г. пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский, который по просьбе управляющего Абамелек-Лазаревских заводов в Пермской губ. Н. Н. Курманова обратился в Департамент полиции МВД с телеграммой, где просил «не отказать в возможной поддержке возбужденного углепромышленниками ходатайства (о привлечении китайцев. — М. К.)» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 4]. На последовавший запрос Департамента полиции Министерство торговли и промышленности ответило, что «действующим законом пользование китайскими рабочими на Урале не возбраняется» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 74. Д. 159]. В результате на телеграмму М. А. Лозины-Лозинского 26 мая 1915 г. из Департамента полиции пришел положительный ответ [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 6]. Позднее Н. Н. Курманов в ответном письме сообщил губернатору, что «лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам каменного угля как казенным, так и частным учреждениям; русских рабочих найти в настоящее время невозможно» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 8].

После положительного ответа на ходатайство копей С. С. Абамелек-Лазарева с соответствующими запросами о найме китайцев в Департамент полиции обратились правления Общества Кыш-

тымских горных заводов (12 августа 1915 г. на 500 человек) и Богословского горного округа (28 августа 1915 г. на 500 человек). Таким образом, к лету 1915 г. был запущен механизм по привлечению китайцев для работ на уральских заводах.

Первое, что поразило представителей российской администрации в работе с китайцами, — их специфическое отношение к здоровью и личной гигиене. Сразу отметим, что на проблемы санитарного состояния живущих в России китайцев неоднократно обращалось внимание практически во всех регионах. Так, пытаясь обосновать необходимость запрета на ввоз китайцев в Россию, приамурский генерал-губернатор Н. Гондатти в апреле 1914 г. сообщал в Департамент полиции МВД, что живущие в империи китайцы являются «...источником всевозможных инфекционных болезней, разносимых ими, так как не только их жилища, но они сами при отсутствии у них самых элементарных понятий о санитарных требованиях, являются в полном смысле слова очагами всевозможных болезней» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 56. Л. 2]. Многие китайцы, несмотря на положительное медицинское заключение, приезжали в Россию уже больными. Об этом в рапорте на имя уполномоченного по Уральскому р-ну председателя Особого совещания по обороне государства П. И. Егорова сообщал окружной инженер Чердынского горного округа Н. П. Блуменваль. По его сведениям, уже по приезде часть доставленных в Кизел осенью 1915 г. китайцев непосредственно оказались «явно больными-хрониками и с заразными болезнями; все эти китайцы немедленно были отправлены обратно в Маньчжурию; непригодность значительного количества остальных выяснилась постепенно уже впоследствии» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 50]. О необходимости установить за китайцами строгий санитарный надзор писал в ноябре 1916 г. управляющему Верх-Исетскими заводами окружной инженер южно-верхотурского горного округа, когда на Клещевских углевыжигательных копиях было найдено во-

семь китайцев «с различными, а главным образом кожными заболеваниями» [ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 109. Л. 260].

Анализируя заболеваемость китайцев в сравнении с другими категориями рабочих (русских, военнопленных и наемников из Средней Азии), Н. П. Блументаль отметил, что из 1043 лечившихся в больницах в 1915 г. было 579 китайцев, соответственно и их заболеваемость была в среднем выше, чем других категорий рабочих — 19,3% против 13,2% [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 49].

Кроме привезенных болезней, китайцы часто заболели и в России, в том числе и по причине легкомысленного отношения к нормам гигиены или незнания этих норм. Об этом свидетельствует ряд фактов. Так, после восстания на Алапаевском заводе в мае 1916 г. китайцы пытались помочь залечить рану взятому в плен приставу И. Бурову, но неудачно, поскольку «некоторые китайцы, оказывая ему по-своему помощь, засыпали раны мукой, чем последние загрязнили, и нельзя было раны сшить, а, напротив, края ран необходимо врачу обрезать» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 4]. Аналогичное отношение к легким ранениям отметил в своем рапорте и Н. Блументаль: «Благодаря той же нечистоплотности китайцев небольшие царапины, мозоли, поранения, нарывы и чирьи у них нередко влекут за собой серьезные осложнения» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 40].

Источники свидетельствуют, что китайцы часто сами не хотели обращаться за медицинской помощью. Упомянутой выше комиссией в ноябре 1916 г. при осмотре коммат был обнаружен китаец с большими глазами. После расспросов оказалось, что он всего один раз был у доктора, «предпочитая лечиться собственными “домашними” средствами, несмотря на то что в результате применения таковых средств нередко китайцев постигает полная слепота на оба глаза» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 39].

Также комиссия отметила еще одно свойство в поведении китайцев — симуляцию и умышленное членовредительство: «Характерной чертой для

китайских рабочих, как выяснилось, является большая склонность среди них к симуляции болезней и умышленному повреждению органов (всыпание в глаза золы, песку, нюхательного табаку, мелу и пр.; повреждение полового члена перетяжкой ниткой, вталкиванием в крайнюю плоть инородных тел: ниток, бумаги, ваты)» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 39].

Таким образом, можно заключить, что смертность и заболеваемость китайцев на заводах Урала была значительно выше, чем других категорий рабочих. Но причина этого явления кроется не только в недостаточном уровне медицинского обслуживания (даже тот минимум, который предлагался, китайцы не всегда использовали), но и в нежелании самих китайцев проходить необходимое медицинское освидетельствование и их пренебрежении к установленным санитарным нормам.

Что касается питания китайцев, то оно оговаривалось в договорах еще при устройстве на работу. Ежемесячно китайцам на одного человека, как правило, полагалось «1 пуд 20 фунтов муки крупчатки 2-го сорта, 6 фунтов постного масла, 8 фунтов кеты или другой соленой рыбы, 2 фунта соли, 8 фунтов проса, морской капусты 8 фунтов или обыкновенной капусты 1 пуд, разных приправ на 80 копеек» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 116—17]. Упоминания об этих же продуктах встречаются в отчете вице-губернатора Н. Н. Максимова по итогам осмотра Кизеловских копей: «В продовольственном магазине найдено: около 400 пудов кеты, до 250 пудов морской капусты, до 300 пудов замороженной капусты обыкновенной, пудов 60 выписанной из Харбина сушеной рыбы в порошке, перец, лук, чеснок, соя. Достаточный запас муки. Квашеной капусты закуплено в Кунгуре до 6000 пудов» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 54—54об]. На других копиях, в Губахе, вице-губернатор осмотрел магазин для китайцев, в котором обнаружено «520 пудов капусты, рыбы кеты до 600 пудов» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 54—54об]. А в докладной записке лесничего Усьвинской дачи Нижне-Тагильского округа П. Миншина в

окружное Лесное управление сообщается, что питание китайцев — «мясо, рыба соленая, капуста, картофель, крупы, серый хлеб» [ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28].

Китайцы питались не только местными продуктами — некоторые им привозили из Китая. Летом 1916 г. управляющий Верх-Исетским заводом И. Гаврилов писал в Петроград в Китоперс (ведомство занималось работой с китайцами и персами), что в Екатеринбург нужно доставить «три вагона китайских бобов, вагон бобового масла, три вагона китайского риса» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4512. Л. 159].

Пищу китайцы готовили сами. Рыбу и овощи варили, из муки готовили национальные хлебцы (*мань тоу*), называемые в России «пампушками» [Соловьев 1989, 95].

О том, как готовили китайцы, сообщается в протоколе осмотра Кизеловских копей вице-губернатором Н. Н. Максимовым (осмотр состоялся 13 ноября 1916 г.). «Во всех казармах, — говорится в протоколе, — мы застали странно: варили кету, лапу, пампушки (китайский хлеб на пару), в тех казармах, где пампушки жарили на постном масле, воздух тяжелый, в других же сносный» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 58]. А в одном из барачных инспекторы «застали сильный запах от жаренья китайских пампушек на постном масле» [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 53].

Снабжение рабочих китайцев продуктами питания осуществлялось, как правило, через магазины, располагавшиеся на территории их проживания. Продукты выдавались не всем, а только артельщикам, выбираемым китайцами из своей среды. Кроме необходимых продуктов там предлагался ассортимент разных товаров специально для китайских рабочих (одежда, предметы быта и т. д.). «В лавке продается всякого рода одежда», — сообщал Н. Н. Максимов по итогам проверки барачных в Губахе [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 59].

Внешний вид китайцев также часто вызывал недоумение местного сообщества. В частности, П. Мишин в докладной записке указывал на странности китайцев в выборе одежды: «покупают

сапоги, пальто, шапки, штиблеты, галоши, но есть и такие явления, что идет в лаптях, но под зонтом. Большинство на работу приходят под зонтом» [ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 333. Л. 28].

Китайцы ели, сушили одежду и питались в одном помещении. «Особой чистотой казармы не отличаются, чего и быть не может, так как в казармах сушатся платья, сапоги, пимы и проч. <...> У всех на нарах подстилки самые разнообразные, у некоторых меховые; на ногах у некоторых сапоги, у других — китайские кеды», — писал Н. Н. Максимов [ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 388. Л. 59].

Исследователи отмечают, что китайцы, особенно в начале XX в., вели себя довольно замкнуто и предпочитали вступать в контакты с местной властью только через посредничество других соотечественников, занимающих важные должности (подрядчики, старшинки, переводчики). Существующим законам китайцы предпочитали те неформальные связи, которые были установлены внутри общины. Между китайцами часто создавались тайные сообщества. Две наиболее распространенные формы таких сообществ — преступные организации хунхузов и тайные «братские» общины, члены которых давали друг другу обещания никогда не предавать друг друга и не ссориться. Власти губернии жестко пресекали существование любых форм тайной самоорганизации [Каменских 2009, 204—208].

В начале XX в. китайцев, объединявшихся с целью разбоя в приграничных с Российской империей районах, называли хунхузами. Администрации губерний часто сталкивались с такими группами, о проблемах с хунхузами у российских властей писали практически все исследователи. «Хунхузы (хунхузы, буквально — “краснобородые”) — китайские разбойники, в значительном числе занимавшиеся грабежами и убийствами как на российском Дальнем Востоке, так и в Маньчжурии», — отмечал в монографии А. П. Петров [Петров 2003, 351]. О борьбе администраций некоторых губерний с хунхузами писал в монографии Ф. В. Соловьев [Соловьев 1989, 7]. С хунхузами столкнулись и

власти Пермской губ. Как говорилось выше, в ноябре 1915 г. на Половинских копях Кизеловского горного округа произошло одно из крупнейших волнений китайцев. В результате допроса, проведенного руководством копей, выяснилось, что изначально среди китайцев «...были лица — хунхузы, которые потому противились подрядчикам, что знали, что при подрядчиках китайцах они рано или поздно будут открыты» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19]. Как следует из итогового протокола расследования, хунхузы запрещали китайцам работать свыше установленной нормы и надеялись добиться отказа подрядчиков, в случае которого они могли рассчитывать на установление своей власти. «Китайцы были положительно терроризированы этой кучкой хунхузов, — заключает управляющий Кизеловским горным округом В. Н. Грамматчиков, — но сейчас всё хорошо» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19]. Действительно, с исчезновением хунхузов ситуация на копиях нормализовалась. На этот же факт в сентябре 1916 г. указывал и вице-губернатор Н. Н. Максимов, докладывая начальнику губернии о ситуации на заводах: «Когда из среды китайцев были изъяты восемнадцать главарей, на копиях всё пошло нормально» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19].

Не исключено, что подобные преступные группы существовали и в других местах работы китайцев на Урале.

Источники сохранили также сведения о взаимосвязях внутри китайских сообществ. Часто там выясняли между собой отношения, не прибегая к помощи администрации. Так, например, 26 октября 1916 г. на одной из копей пропал китаец Фун Юангин. Через несколько тело китайца было найдено закопанным недалеко от казарм. В рапорте верхотурского уездного исправника уполномоченному по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уездах сообщалось, что Фун Юангин «при переговорах поддерживал сторону подрядчика, благодаря чему рабочие китайцы его возненавидели, и у них зародилась тайная мысль покончить с ним» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19]. 3 декабря 1916 г. в Пышминско-Ключевском медном руд-

нике китаец Ван Хэлин убил своего напарника Лю Шенмина. Тело он завалил камнями и скрылся, арестовали его только через месяц [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 154. Л. 19].

Таким образом, приезжавшие в Россию и на Урал китайцы часто были связаны с криминальными группировками, с которыми приходилось выяснять отношения местным властям. Кроме этого, китайцы, решая внутренние проблемы, часто сами совершали преступления (в том числе убийства) втайне от местной администрации.

Другой формой социальной организации китайцев были тайные «братские» общины. У китайцев начала XX в., проживавших на Дальнем Востоке, существовала традиция писать на бумаге взаимные клятвенные обязательства о братстве, расписываться под ними, подтверждая таким образом свою верность братству. «Отправление таких обрядов налагало на члена китайской общины обязательства взаимной выручки, помощи и поддержки во всех случаях жизни. Поэтому каждый китаец видел в своем соотечественнике брата», — пишет Ф. В. Соловьев [Соловьев 1989, 98]. А. Г. Ларин указывает, что «задачи обществ, зафиксированные в уставах, включали в себя взаимную помощь их членов друг другу, улаживание споров между ними, содействие российским властям и полиции, защиту от хунхузов, просветительскую деятельность» [Ларин 2009, 57—60].

В феврале 1916 г. губернатор М. А. Лозина-Лозинский писал полицмейстерам, уездным и горным исправникам, что китайцы Екатеринбургского уезда «начали организовывать преступное сообщество для совершения, с наступлением весны, убийств и грабежей, причем примкнувшие к этой шайке китайцы получают от организаторов особую “братскую присягу”, воспроизведенную на китайском языке на куске красного сатинета длиной 3 аршина и шириной 6 вершков» [ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 224]. Чтобы не дать этой группе распространить свое влияние, губернатор требовал принять меры и провести обыски с целью обнаружения подобных сообществ.

Обыски были проведены и дали свои результаты. В ходе обыска 18 марта 1916 г. казарм китайцев на медном руднике Верх-Исетских заводов Екатеринбургского уезда у китайца Сун Вендэ был найден один патрон динамита и 16 концов красного ситца, записанных китайскими иероглифами. *«По объяснению переводчика, — сообщал в рапорте екатеринбургский уездный исправник, — текст надписей на ситце одинаков, называется по-китайски “Катту”, то есть клятвенное обещание братства с именами и фамилиями 37 человек, из коих 35 китайцев оказались налицо, а остальные два остались в лесосеке, около станции Кусинской»* [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 29. Л. 67]. Переводчик пояснил, что клятвенное обещание было подписано китайцами в Новый год (20 января 1915 г.), а прибыли они на медный рудник 23 февраля 1916 г. *«В чем именно состояло клятвенное обещание между китайцами, неизвестно, так как текста этого обращения не найдено, а по их объяснению — в том, чтобы никогда не ссориться между собой», —* сообщал екатеринбургский уездный исправник [ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 26].

Еще одно такое общество было обнаружено 26 апреля 1916 г. на кирпичеделательном заводе Внутских: у китайца Чан Хусюна была найдена записка с иероглифами. Переводчик сообщил, что на бумаге имеется клятва «братства», пояснив, что *«цель такого братства — поддерживать друг друга во всех затруднительных положениях: болезни, смерти, лишения работы, семейной нужды и пр. Поддержка выражается материально и нравственно: уход во время болезни, похороны в случае смерти и т. д.»* [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109]. В самом тексте пять китайцев — Ли Хивенкину, Чан Юицзы, Мо Юитен, Чан Подай, Тянь Хунхюнь — подписались под молитвой, переведенной буквально следующим образом: *«Бог наш, вечный свет, молимся тебе и просим помочь нам, чтобы мы жили дружно, как родные братья, хотя и носим разные фамилии, чтобы сердца наши не изменяли слову “брат”, чтобы были счастливы»* [ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 151. Л. 109]. Позже все китайцы были схвачены и арестованы.

Других сведений о «братствах» в документах обнаружить не удалось, но есть все основания полагать, что подобных организаций было больше.

Судя по обнаруженным в ряде архивов документам, китайцы, живя в России, имели определенные ритуальные традиции, что подтверждается, в частности, существованием на Среднем Урале в этот период китайских кладбищ. В заключенном 15 июня 1916 г. договоре заведующего доменным цехом Надеждиноского завода И. В. Поносова с подрядчиками Сюй Хунан и Хо Гожун о найме китайских рабочих на работы в Богословском округе управление отводило отдельное место для погребения рабочих-китайцев и должно было взять на себя обязательства ходатайствовать о разрешении им вывезти останки обратно в Китай. Китайцам гарантировалась бесплатная медицинская помощь и место для погребения в случае смерти [ГАСО. Ф. 643. Оп. 4. Д. 333. Л. 46—48об]. Кладбища для китайцев были и на территории Пермской губ. В мае 1916 г. Кизеловская контора князя Абамелек-Лазарева обратилась во Врачебное отделение Пермского Губернского Правления с просьбой о создании кладбища для китайцев. Рассмотрев данное прошение в июне 1916 г., Врачебное отделение дало разрешение *«открыть в Кизеловской даче, при проезжей дороге между Кизелом, заводом Усть-Игулом и Александровским заводом, рядом с магометанским кладбищем, новое кладбище для погребения китайцев-рабочих»*. Площадь предлагаемого конторой участка составляла 2400 кв. сажен, само кладбище, по мнению санитаров, отвечало всем необходимым требованиям [ГАПК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1155. Л. 6—6 об]. В дальнейшем аналогичные кладбища появились и на других территориях. В 1917 г., когда китайцы начали массово уезжать из России, часть из них обратилась к властям с просьбой об эксгумации своих соотечественников с последующей кремацией и вывозом на родину [ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 263. Л. 2—2об]. Ответа на обращение получено не было.

Немного информации сохранилось и о повседневных занятиях китайцев в нерабочее время. В заключаемых договорах часто был прописан пункт о выходных днях для китайцев во время их национальных праздников, которые работавшие на заводах Урала китайцы регулярно отмечали. О проведении китайского Нового года в Надеждинском лесничестве в январе 1917 г. губернатору сообщал временно исполняющий обязанности Верхотурского уездного исправника [ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 593. Л. 50—51]. В свободное от работы время китайцы либо занимались «праздношатанием», либо играли в азартные игры. Особой популярностью пользовались карты. В сентябре 1916 г. Верхотурский уездный исправник писал губернатору, что среди китайцев, работавших на Надеждинском заводе, очень развита игра в карты на деньги. «Проводя почти все свободное от работы время в игре, вместо того чтобы это время отдыхать, китайцы и корейцы выходят на работу усталыми и работают слишком лениво», — сообщал исправник. После того как карты были отобраны, среди китайцев начались волнения [ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301. Л. 114—115].

Источники, сохранившиеся от периода пребывания китайцев на Урале в годы Первой мировой войны, демонстрируют, насколько необычным, а часто и просто непонятым было поведение китайцев для местного провинциального российского общества. Одни элементы поведения китайцев вызвали усмешку, другие — опасения. Некоторые мирные формы социальной организации, какими были «братства», вообще воспринимались как полуреволюционные структуры. Хотя главная причина недопонимания, скорее всего, крылась в различии культурно-исторических особенностей российского и китайского обществ.

Аналогичная реакция местного населения на китайских мигрантов отражена в источниках советского и постсоветского времени [Каменских 2011, 292—293]. Опыт анализа источников начала XX в. позволяет глубже понять те представления о китайских

мигрантах, которые характерны для российского общества и на современном этапе.

Литература

Дацышен 2008 — *Дацышен В. Г.* Китайцы в Сибири XVII—XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.

Каменских 2009 — *Каменских М. С.* Тайные организации китайцев на Урале в годы первой мировой войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат. IX Всерос. науч. конф., посв. 85-летию д. и. н., проф. А. В. Бакунина, Екатеринбург, 8—9 октября 2009 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 204—208.

Каменских 2011 — *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011.

Ларин 2009 — *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

Петров 2003 — *Петров А. И.* История китайцев в России 1856—1917 годы. СПб., 2003.

Смирнов 1999 — *Смирнов С. В.* Китайские и корейские рабочие Урала в годы первой мировой войны: проблемы взаимоотношений с русскими // Вторые Татищевские чтения. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 28—29 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 3—15.

Соловьев 1989 — *Соловьев Ф. В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАПК — Государственный архив Пермского края.

ГАСО — Государственный архив Свердловской области.

ПГВ — Пермские губернские ведомости.

Summary. *The author reviews the situation in Perm government concerning the Chinese deported in the times of First World War. Basing on archival data that has not been published before, the author describes the social composition of the way they adapted to the Russian society. The author pays special attention to the attitude of the local population to the newcomers.*

Key words: *Perm government, deported Chinese, the way of adaptation, attitude of the local population.*